

9у
3/04
2/14 = 40

БЫТЬ ПОДОЛЯНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ К. ШЕЙКОВСКИМЪ.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ 2.

Содержаніе втораго выпуска:

О похоровахъ. Допол-
неніе къ гавкамъ. Сказки, объявляющія
представленія подолянъ
о загробномъ мірѣ.

КІЕВЪ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

—
1860.

Гг. Кіевскіе подписчики приглашаются
за получениемъ 2 выпуска на Тимоѣевскую
Улицу въ домъ Г-жи Сѣринковой.

ВЪ КІЕВѢ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
СТЕПАНА ИВАНОВИЧА
ЛИТОВА.

ВЫТЬ ПОДОЛЯНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Шейковскимъ.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ 2.

КІЕВЪ.

Въ Губернской Типографіи .

—
1860.

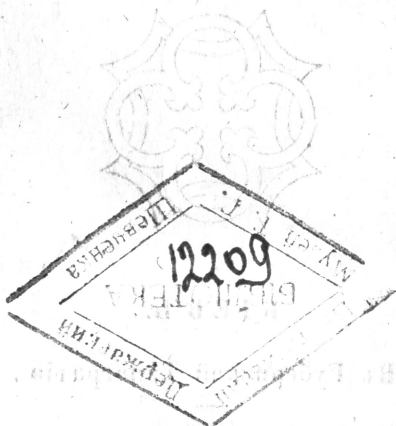
КНИЖНИЙ
ПОДЪЕМ

ВЫДАВАЕТСЯ
В. М. Мещеряков

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Кіевъ, 4 Февраля 1860 года.

Ценсоръ А. Лазовъ.

СПИСОКЪ

ЛИЦЪ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА БЫТЬ ПОДОЛЯНЬ:

	число экз.
Александровичъ въ г. Кишиневъ.....	1.
Антоновичъ ст. Унив. Св. Влад.....	1.
Багинскій М. Ф. ст. Кіев. Д. Ак.....	1.
Боцяновскій учен. Кіев. Сем.....	1.
Бернатовичъ В. Студ.....	1.
Боярскій	2.
Бугаевъ	4.
Бутовичъ	1.
Воровой О. Я. Св. Вла.....	1.
Гинцъ	1.
Гречачевскій	2.
Ефименко	1.
Дзинькевичъ на 1-й томъ.....	1.
Дзюблевскій изъ 2-й Кіев. гим. на 1-й т..	1.
Зозулинъ, учитель Бѣлоц. Гимназіи.....	1.
Ивановъ А. ст. Унив.....	1.
Ивановъ, чиновн. на 1-й томъ.....	1.
Кашубская А. В. на 1-й томъ.....	2.
Кенскій изъ 2-й Кіев. гимн.....	1.
Кистяковскій О. лѣкаръ.....	1.
Корничъ К. О. на 1-й томъ.....	1.
Крушельницкій на 1 й томъ въ м. Иржище.	4.
Бржижановскій С. Студенты	1.
Кулябка	1.
Левцкій Ф. К. тета	2.
Леонтовичъ	1.
Лычковъ	2.

II

Лещинскій, лѣкаръ.....	2.
Морачевичъ, свящ. въ Проскуровъ.....	1.
Орловскій М. А. Благоч. свящ. въ с. Глядки.	1.
Пискорскій / Студ.	4.
Поповъ / Университета	1.
Рыльскій О. / Св. Владимира	1.
Розумовскій Г. Благоч. свящ. на 1-й томъ.	1.
Савицкій М. М. ст. Унив.....	1.
Самолевскій свящ. въ Нов. Ушицу на 1-й томъ	1.
Синицкій Д. А. студ. Кіевской Акад.....	1.
Стефановичъ А. Л. / Студ.....	1.
Стояновъ А. И. /	1.
Тарасевичъ Г. /	1.
Торскій В. / Университета.....	2.
Танасовъ С.....	1.
Хомицкій А. С. / Студенты Унив.....	5.
Шелковичъ /	1.
Яновичъ /	1.
Ященко /	1.
Въ Каменецъ-Подольскъ	30.
— Немировъ	6.
— Тульчинъ	4.
— Дунаевцы	1.
— Хмельникъ.....	3.
— Баръ.....	4.

Всего 116.

Цѣна обимъ выпускамъ «Быта Подолянъ» 60 к. сереб. безъ пересылки. На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Также отпечатаны «Таблицы для обученія

III

ченію» (8 таб.) и продаются по 10 к. сереб.
На пересылку прилагается за 1 фунтъ.

Кромѣ того, печатаются:

- 1) »Домашня наука. 1 Початкы« Цѣна 3 к. с.
- 2) »Початкові тѣблиці (10 т.) Цѣна 12 -к. с.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться
съ своими требованіями въ Кіевъ на имя студента
Унив. Св. Владиміра Шейковскаго. Выписывающіе
не менѣе 10 экземпляровъ пользуются
уступкою 25 %.

О ПОХОРОНАХЪ. 1)

Изучая народные религиозные обряды и повѣрья, нельзя не замѣтить, что они слагались подъ вліяніемъ народного быта и условій мѣстности и климата страны, которую народъ занималъ, что они были результатомъ его умственного, нравственного и эстетическаго развитія. Так. обр., по остаткамъ религиозныхъ обрядовъ и повѣрій данной эпохи можно, до извѣстной степени, судить о состояніи народа въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи, особенно замѣчательны погребальныя обряды, потому-что каждый народъ рисовалъ себѣ загробную жизнь по образцу своего быта, обставлялъ ее въ миниатюрѣ всѣми атрибутами его. Чѣмъ грубѣе былъ какой-

1) Статья эта въ первый разъ была напечатана редакціею «Кіев. Телег». Теперь она значительно пополнена и измѣнена.

нибудь народъ, тѣмъ и представленія его о загробной жизни получали болѣе грубую оболочку. По мѣрѣ того, какъ совершенствуется матеріальная жизнь народа, совершенствуются, вмѣстѣ съ нею, и религіозные обряды и представленія его о загробной жизни. Если бы мы имѣли полный сборникъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій извѣстнаго народа, и при томъ въ послѣдовательномъ ихъ развитіи, мы имѣли-бы, такъ сказать, аriadнину нить къ изученію доисторической эпохи этого народа; мы знали бы тогда какіе моменты и фазисы развитія онъ прошелъ. Вотъ почему важны реставрація и изученіе древнѣйшихъ религіозныхъ обрядовъ и повѣрій.

Говоря о похоронахъ у подолянъ, мы должны прежде всего представить терминологию южнорусскаго языка, сюда относящуюся. Кромѣ непосредственнаго отношенія ея къ нашей статьѣ, она будетъ служить матеріаломъ для южнорусскаго словаря. За тѣмъ мы опишемъ погребальныя обряды, замѣчательныя въ какомъ-нибудь отношеніи, изложимъ повѣрья, суевѣрья и различныя примѣты вытекающія изъ некромантического культа. Чтобы сохранить мѣстный колоритъ, и передать, какъ можно точнѣе, похороны подо-

дьявъ и все къ нимъ относящееся, мы часто будемъ употреблять мѣстныя выраженія и даже цѣлыя тирады, какъ онѣ записаны изъ устъ народа.

II. *Терминологія южнорусскаго языка, относящаяся къ нашему предмету.*

Мы выше сказали, что каждый народъ слагалъ загробную жизнь изъ атрибутовъ своего быта въ миниатюрѣ. Вотъ доказательство тому: умершему созидали домикъ. Мы знаемъ изъ раскопки кургановъ, что древнѣе гробы имѣли видъ домика, или шатра, смотря потому принадлежитъ ли курганъ осѣдлому племени или кочевому. Мы знаемъ также, что гробъ въ южнорусскомъ языкѣ называется *домовиною*. Есть и другое слово для обозначенія тогоже предмета, именно: *трунва* (*tumulus, tumwos, tymbus, tombeau*), видоизмѣняющееся по разнорѣчіямъ въ *труна трумна* и др. По всей вѣроятности, слово домовина древнѣе слова трунва.

Мѣсто, гдѣ погребаютъ умершихъ, называется *кладовыще, кладвыще*²⁾, иногда *цвынтар, цмын-*

²⁾ см. Повісті Квіч'чынї, выданї п. Кулішом. Спб. 1858.

тар (срав. *Koimeterion, cimetière, cmentarz*). Впрочемъ, послѣднее слово чаще всего употребляется для обозначенія пространства, находящагося около церкви и обнесеннаго оградою.

Покойникъ у подолянъ называется—*нѣбишчык, нѣбошчык*, покойница—*нѣбишка, нѣбошка* (ум.-*жечка*). Дитя, умершее безъ крещенія, называется *потѣрча*, въ др. мѣстахъ *потороча* (—потерянное, погибшее). По прошествии 7 лѣтъ, онѣ превращаются въ *мавок* (*малок*), *сѣмыіток*. *Потѣрчата* обыкновенно хоронятся за кладбищемъ или у перекрестка двухъ дорогъ (на розждорожу) «під *фігу—рою*»²⁾. Есть повѣрье, что души ихъ летаютъ близъ мѣста, гдѣ «потѣрчата» похоронены и вечеромъ у *вугниковъ* просятъ крещенія. По этому и хоронятъ ихъ тамъ, гдѣ бываетъ много проходящихъ. «Хто, говорить народное повѣрье, почуе голосъ їх, повынѣн що-небуд' с того що має пры собі, пѣрѣхрѣстыты, даты йому мня (имя), тай кынуты. Потѣрча воз'ме и зробыц'ця охрѣщѣнымъ». Не на могилахъ-ли потѣрчатъ въ харьковской губерніи жаден, хто йде, або іде, полівце, скинку, траву,

²⁾ *Фигурою* называется большой крестъ. Такіе кресты въ под. губ. ставятся преимуществу при большихъ дорогахъ, также въ началѣ или въ концѣ села.

або грутку землі кыдають»⁴⁾? Подоляне о чело-
вѣкѣ вавязчивомъ, наскучающемъ обыкновенно
говорятъ: «ліээ, як потѣрча», «нализае, як пото-
роча». Основываясь на этихъ поговоркахъ, мож-
но думать, что и потерчата, по народному вѣро-
ванью, очень наскучаютъ и надоѣдаютъ путе-
никамъ.

Агонія, предсмертныя муки называются у
подолянъ *сконаня*. *Конаты* (корень этого слова
кон, отсюда происходитъ *за-конъ* и уменьшитель-
ныя слова: *кон-ецъ*, *кон-чина*) значитъ кончатся,
быть при смерти.

Бываютъ случаи, что люди, повидимому,
умершіе чрезъ нѣсколько часовъ опять возвра-
щаются къ жизни и верѣдко рассказываютъ цѣлый
рядъ загробныхъ видѣній. Г. Кулишъ слылъ на
живую нитку нѣсколько подобныхъ рассказовъ,
разумѣется, въ искаженномъ видѣ⁵⁾. Этимъ онъ,
судя по его намекамъ и цитатамъ, думалъ сдѣ-
латься южнорусскимъ Дантомъ!—Для обозначе-

⁴⁾ Зап. о Ю. Р. Т. II. стр. 288. Обычай бросать на
могилы различные предметы извѣстенъ и у литовцевъ
(Golemb. ч. II, стр. 205.) и у многихъ славянскихъ
народовъ.

⁵⁾ З. о Ю. Р. Т. I. стр. 303—311.

нія подобнаго обмиранія употребляется въ южно-русскомъ языкѣ слово *»заумэраты«*, ему противоположно *завэртатыся*—возвращаться съ того свѣта. *Завэртаты* тоже иногда значитъ возвращать съ того свѣта. Подоляне вѣрятъ, что плачь дѣтей при смерти родителей *»завэртае«* ихъ съ того свѣта для мученія. Поэтому, чтобы родители недолго мучились при *кѳнани* запрещается дѣтямъ сильно плакать въ самую минуту ихъ кончины. Тоже вѣрованіе перенесено и на животныхъ: *»як рѣжут корову, або курку, або яку ившу скотыну нэ треба жалуваты за нымы, бо будут довго мучытыся«*.

»Мэртвѳю свѣчкою« въ южнорусскихъ сказкахъ о разбойникахъ называется свѣча, слѣпанная изъ жару мертвецовъ. Разбойникъ, зажегши эту свѣчу, ночью обходитъ три раза домъ, въ который хочетъ войти, и всѣ, кто въ немъ есть, будутъ спать сномъ мертвецовъ.

Тропическое выраженіе *посадыты калыну*, значитъ похоронить кого-нибудь. Отсюда видно, что встарину на могилахъ садили калину. Въ народныхъ произведеніяхъ мы часто встрѣчаемъ упоминаніе объ этомъ обрядѣ. Такъ, въ одной пѣснѣ милый говоритъ своей милой:

«Высып, серцэ, высып, серцэ,
 Та високу могылу;
 Посады на мені, мое серцен'ко,
 Та чэrvону калыну».

или: »Та вырййте над чумаком Мыкытою та
 високу могылу,
 Та посадіте над козаком Мыкытою та
 чэrvоную калыну« ⁶⁾

еще: »Насыпалы чумачен'ку високу могылу,
 Посадылы на могылі чэrvону калыну.
 Прылэтіла зозулен'ка, тай сказала: ку-ку!
 Подай, сыну, подай, орлэ, хот' правую
 руку.« ⁷⁾

Г. Терещенко говорить, что, калиновое дерево ставили только тогда, если козакъ умиралъ на чужой сторонѣ ⁸⁾. Но есть пѣсни и другія народныя произведенія, говорящія противное. Въ одной сказкѣ на могилѣ убитой сестры вырастаетъ калина и открываетъ убійцу ⁹⁾. Впрочемъ у подолянъ сказка эта передается совер-

⁶⁾ Максим. »Украин. п.« М, 1834 г. стр. 176.

⁷⁾ *ibid.* см. стр. 180, также »Кобзаръ Тараса Шевченка.«
 Петропід', 1860 р. л. 73.

⁸⁾ Б. Р. нар. Ч. III, стр. 80.

⁹⁾ З. о Юж. Р. Т. I, стр. 20—22.

шенно иначе: тамъ убиваетъ братъ брата и на могилѣ убитаго вырастаетъ »бузина.« Этотъ сюжетъ у различныхъ славянъ варьируется различно. Въ польской пѣснѣ, изъ которой Мицкевичъ заимствовалъ предметъ для одной баллады жена убиваетъ мужа, и на могилѣ его вырастаетъ лилія. У Ав. Ходзьки есть баллада подъ заглавіемъ «шаліну», гдѣ одна сестра убиваетъ другую, и на могилѣ вырастаетъ верба. ¹⁰⁾ Къ сказкѣ, извѣстной у подолянъ всего ближе подходитъ «страшный звѣрь» Е. Гребенки ¹¹⁾, только въ томъ «народномъ преданіи» вырастаетъ на могилѣ болиголовъ. Въ русской сказкѣ двѣ сестры убиваютъ третью «за повремушечку и побрякушечку», и на могилѣ убитой вырастаетъ кустарникъ. Въ одной крайнской пѣснѣ на могилѣ милаго вырастаетъ роза, а на гробѣ милой лилія. ¹²⁾ Быть можетъ, калина у южноруссовъ имѣла такое же значеніе, какъ кипарисъ у римлянъ. Если допустить эту аналогію, надо допустить и то, что калина была посвящена «Пеку», южнорусскому

¹⁰⁾ см. Nauka poezyi H. Cegielskiego. Wyd. 2. Poznan' 1851. str. 398—9.

¹¹⁾ см. Разказы Пиратинца. Спб, 1837 г. стр. 43—59.

¹²⁾ Денница 1843 г. Варш. N 2 стр. 130.

Плутону, подобно тому, какъ кипарисъ тоже былъ посвященъ адскому богу. Южнорусскій «пек» имѣетъ сходство съ литовскимъ *poklus'*омъ, который назывался также «*Pokole, pikol, pragartis* отъ *pragaras*» пекло.¹³⁾—Съ теченіемъ времени, повѣрье о калинѣ обобщилось въ повѣрье о деревѣ вообще: «як на моголі росте дерево, душі лекшэ».

Впрочемъ, можно и не считать это повѣрье метаморфозою предыдущаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя славянскія племена любили хоронить своихъ покойниковъ въ лѣсахъ. »Przedtém wszyscy się chowali na cmentarzu przy cerkwi, chociaźby najszczuplejszy był, i zasadzono tam jarżowcowe drzewo, świerki i jarzębiny, które do ogromnej niekiedy przychodziły grubości. *Dawni słowianie groby swe w pośród lasów zakładać lubili; zapewne ztąd pochodzi ten obyczaj*«¹⁴⁾. Это видно также изъ одного древнечешскаго стихотворенія *Забой, Славой, Людекъ*, находящагося въ краледворской рукописи, открытой Вячеславомъ Ганкою въ 1817 г. За неимѣніемъ теперь подъ рукой этого стихотворенія на чешскомъ языкѣ приведемъ отры-

¹³⁾ Narbutt. Dzieje star. n litewskiego. T. 1. s. 26—9.

¹⁴⁾ Golembiowski: Lud polski, jego zwyczaje, zababony—
Warsz. 1830 ч. 2. стр. 255.

вокъ изъ него, сюда относящійся, въ польскомъ переводѣ Л. Семеньскаго (Краковъ 1836):

»Bracie, czy widzisz ówdzie wierzch szary,

Tam z woli bogów my zwyciężali!

Tam dusz tysiące lata téj chwili,

Z drzewa na drzewo między konary,

Zwierz się ich boi, ród ptaszy,

Jedna się sowa tylko nie straszy:«

«Грѣбъ» означаетъ вырытое мѣсто, куда кладутъ домовину. «Могилою» называется насыпь на гробѣ, небольшой курганъ. «Ходыты на могилкы» значитъ поминать покойниковъ. Обычай ходить на могилки остатокъ

»давно минувшихъ дней,
преданье сѣверныя глубокой,«

той старины, когда некромантической культѣ цвѣлъ еще во всей силѣ. Этотъ обрядъ въ разныхъ мѣстахъ подольской губерніи совершается въ разные дни. Въ Каменецъ Подольскій онъ отправляется въ продолженіе 10 пятницъ, начиная съ пятницы на святой недѣлѣ. Замѣчательно, что и католики наравнѣ съ православными строго выполняютъ этотъ обрядъ. Какъ тѣ, такъ и другіе особенно чтутъ первую и десятую пятницы. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обрядъ совершается по четвер-

гамъ, ¹⁵⁾ которые почитаются неблагоприятными днями для работы, и особенно для начатія какого-нибудь дѣла. Его отправляютъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на *проводы*, т. е. въ субботу на св. недѣлѣ и въ ѳомину недѣлю, равнымъ образомъ во вторникъ антипасхи. ¹⁶⁾ Общее здѣсь то, что обрядъ этотъ отбывается послѣ пасхи, т. е. въ началѣ весны. Изъ этого можно заключить, что онъ сложился уже тогда, когда некромантическій культъ былъ на поворотѣ къ астральному. Этотъ обрядъ есть какъ-бы соединеніе этихъ двухъ культовъ. Не лишне провести параллель между нимъ и другими подобными обрядами; изъ нея мы также увидимъ, что обрядъ этотъ есть соединеніе некромантическаго культа съ астраль-

¹⁵⁾ Замѣчательно, что и на Украинѣ нѣкоторые четверги сохранили такой же характеръ. »Всѣ четверги отъ *чистаго*, говоритъ г. Максимовичъ, и до вознесенскаго на Украинѣ почитаются неблагоприятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла, а также въ эти четверки считается непозволительнымъ дѣломъ *золить* бѣлье.« Р. Б. 1856 г. № 3, 88 стр. въ см.

¹⁶⁾ Въ Кіевѣ совершаютъ этотъ обрядъ въ ѳомину недѣлю и понедѣльникъ на *Скавыці*, а во вторникъ на *Байковой Горѣ*. Въ г. *Волотеношѣ* собираются на могилки въ мироносный понедѣльникъ.

нымъ. Хожденіе на могилки аналогично съ подобными русскими обрядами, имѣющими разныя названія, напр. «радуница, радунецъ, наской, навій день, родительскіе дни, радавница» и др. Изъ этихъ названій можно вывести два значенія этого обряда. 1.) Изъ словъ *родительскіе дни, наской, навій* ¹⁷⁾ *день, радавница* (бѣлорусское названіе, соответствующее русскому—*родовница*, потому что въ бѣлорусскомъ нарѣчій о переходитъ въ а) видно, что эти дни посвящены памяти умершихъ (культъ некромантической). 2.) Если слова: *радуница, радунецъ* произошли не отъ искаженія слова—*родовница* (—*радавница*), то ихъ можно произвести отъ *ра*—*радостный, веселый* (сравни: *ра-дуга*, по южнор.—*вэсельця и вэселка, рай* и др.) и *день*; слѣдов. *радунецъ*—*радостный день, первый день весны, весенній праздникъ* (культъ стихійный). И дѣйствительно, народное повѣрье соединяетъ два культа въ этомъ праздникѣ. Оно говоритъ, что въ этотъ день «родители изъ земли (культъ некромант.) *дожнутъ теплому*» (к. стихійный). ¹⁸⁾ Хожденіе на могилки имѣетъ

¹⁷⁾ *навѣ* у Экзар 137 стр.—*cadaver*, сравни: готское *paus*; летск. *paŭe*—*смерть*. У, *paŭiti*—*убиваетъ*; лат. *peh*.—*убійство*.

¹⁸⁾ См. Пѣсни Р. нар. изд. Сахаровымъ. Спб. 1838 г. ч. II. стр. XXII.

сходство также съ литовскими *хавтурами* (*chautures*).¹⁹⁾ Нарбуттъ переводить литовское *chauturas* словами: *посмертные дары* и сравниваетъ этотъ обрядъ съ *circumpotatio* римлянъ или со *стыною* (*stupa*) или *стравою* славянъ. На хавтуры пекутъ *sikiés mellonia patixlos*. Это родъ блиновъ съ особымъ знакомъ, называемымъ *remixlos*, и имѣющимъ видъ ключа. Хожденіе на могилки называется еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *дядынкамы* и *громныцямы*.

погріб (*exsequiae*, *pompa funebris*; *ekphora*, *ekkomidi*,) значитъ погребеніе, погребальная процессія. Отсюда выраженія *»иты на погріб,«* *»буты на погребіи«* и др. *Похорон* собственно значитъ обѣдъ, данный въ честь умершаго послѣ его погребенія, *страда*, и въ этомъ смыслѣ онъ сходенъ съ хавтурами. Поэтому говорится *справляты похорон*. Впрочемъ, слово *похоронъ* употребляется и въ смыслѣ *погріб* напр. *буты на похороніи*, *иты на похорон* и др., конечно потому, что призна есть неотъемлемая принадлежность всякаго *погріба*.

¹⁹⁾ Москв. 1843 г. № 8 стр. 400 Narbutt Т. I. стр. 314—15.

Смерть по представленію подолянина есть не отвлеченное понятіе, но вполне живое существо. Воображеніе его представляетъ ему смерть въ образѣ тощей старухи. Она въ бѣлой одеждѣ и держитъ въ рукѣ косу. Народныя поговорки *білый якъ смерть*, *побілівъ якъ смерть* заимствованы отъ бѣлой одежды смерти и употребляются для выраженія сильнаго испуга. Если смерть стовтъ у головы больного, то онъ выздоровѣетъ, если же у ногъ, умретъ. ²⁰⁾ На этомъ вѣрованіи основана одна сказка. ²¹⁾

Упыром (опыром) называется мертвецъ, встающій по ночамъ изъ гроба и высасывающій у спящихъ кровь. Вотъ народныя представленія о немъ: «Опыра йще за жытя можна пізнаты: він буває дужэ чэрвоный на лыці, нібы оувес изъ крови. По смерті, якъ го поховают, він оу опівночы у стае з могылы, тай ходыт по-під вікна. Якъ оу якімъ вікні нэ замэгочэ якіс вогонь він йде до того вікна, тай дуе. Хто е оу хаті, зараз віт того духу чыхае. Якъ ніхто нэ скажэ *здоров!*— він зараз выпывае кров. Якъ же скажэ хто *здоров!*— він зараз оутікае. Повідают, що опыр боіцця

²⁰⁾ см. Э. о Южн. Р. Т. I. стр. 305.

²¹⁾ см. ниже.

также заліза. Тым-то и стромляють у насъ оу вікно протірі (изломаньяя иголки). Щобы опыр нэ ходыв, треба на могылі іого поставыты осыковый хрест». Для большей полноты мы должны привести здѣсь и другія повѣрья обь осыкѣ. Должно думать, что это дерево въ славянской мнѣологіи было посвящено какому нибудь божеству. Но до насъ дошли повѣрья о немъ въ искомомъ, передѣланномъ видѣ. Передѣлка эта совершена уже въ эпоху христіанства. Мы знаемъ, что языческіе мнѣи часто подвергались подобной передѣлкѣ. »На осыні повішався Юда; тым-то лыст на ні заоушэ шэлыстыт, хочев' нэ ма вітру«. Очевидно, что на мѣстѣ этого повѣрья должно быть какое-то другое, погибшее для насъ. »Як від'ма відбэре молоко від коровы, треба тэсаты осыкові кілкъ до порога. Від'ма зараз прыбіжыт и будэ просыты, щобы того нэ робыты, бо і болыт. — Під осыковою, або під залізною бороною можна выховаты пса-віщуну (ярчука). — Вішал'ныкові треба ўбыты осыковый кіл, щобы нічю нэ ўставав з могылы«. Г. Новосельскій (Марцінковскій) говоритъ, что на Украйнѣ *утырами* называются дѣти съ большими головами и съ размягчонными костями.

Народъ думаетъ, что ихъ подбрасываетъ чортъ, на мѣсто другихъ, взятыхъ у родильницы.²²⁾ Мицкевичъ думаетъ, что вѣра, въ упыровъ принадлежитъ по происхожденію своему славянамъ и отъ нихъ перешла къ другимъ народамъ. У Грековъ для названія упыра употребляется слово, которое можно почитать переводомъ сербскаго *кровоильца*, латинское названіе его *strix* есть переводъ славянскаго *стрига*. Мадіановичъ издалъ изслѣдованіе объ упырахъ. Изъ него оказывается, что упырь, по вѣрованію славянъ, раждается съ двойнымъ сердцемъ и двойною душою.²³⁾

II. Примѣты, предвѣщающія смерть.

»Як сова плачэ на хаті, або ў подвірі,²⁴⁾ як стіл, або сволок тріснэ, як ластівка ўлэтыт до хаты—будэ умэрлец.—Як кому прысныця,

²²⁾ Lud Ukrain'ski Wilno. 1857 t. 2. str. 161..

²³⁾ Pisma Mickiewicza W. 1858. t. VI. str. 169—171.

²⁴⁾ У Кашубовъ есть тѣже повѣрья: »Gwesno chto wumrze, bó te nocе pse tak straszno veté, iasz tak przegigate; або bó sowa decht całą noc wrzeszcza (изв. Имп. Ак. наукъ по отд. Р. яз. и сл. Т. I. Памят. Л. VII. стр. 110.) Замѣтимъ мимоходомъ, что у Кашубовъ есть много повѣрій, бытующихъ и у подолянь.

що нові чоботи обля́тять, оу того хто-небуд' з
 блы́скых родычів оумре.—Як псы вьют, спустыв-
 шэ морду оу землю, будэ помір. ²⁴⁾ Хто почуе
 го́лосъ свій, той скоро оумре. ²⁵⁾ Як образ оупалэ
 сам від себэ зо стіны и розібьэцца, хто́ скоро
 оумре оу тім домі.—На першы́й свѣтатый вечір,
 як зйдят по лобці ку́ті, най поспэрают лошки на
 мыску: чія лошка пэрэвернэ́цца, той скоро оумре.—
 Хто мае скоро оумерты, той на свѣтатый вечір нэ бу-
 дэ бачыты свої тіні.—Чія свічка при шлюбі згаснэ,
 той скоро оумре.—Хто з молодат на рушныку
 о́глянэ́цца, той дывыц'ця за другим (т. е. овдо-
 вѣть).—Як піп йде сповідаты слабого и оусту-
 пыт до хаты правою ногою, слабый оумре, як
 лівою—будэ жыты. Я вэсут оумэрця ховаты и оу
 сэло хто-небуд' вьїжджае, будэ скоро другый оу-
 мэрлец. Як дужэ хорый хочэ подывытыся на обіс-
 тя—знак же скоро оумре. Як то хозяїн дома, нэ
 можна уволыты іго волю, бо за ным як він по-
 дывыц'ця, оусіо так, як з дымом підэ.—Де-якым
 лю́дям на кілка ден' перед смертцю оумэкае мову,
 ато за тее, що воны оу гніву нэ говорылы з блыс-

²⁵⁾ Н. В. Гоголь воспользовался этимъ повѣрьемъ въ
 своихъ »старосвѣтскихъ помѣшникахъ.«

кымы родычамы. Кіл'ко днів вони не говорылы а родычамы, тіл'ко не будут говорыты перэд смертю.»

Вотъ народная догматика примѣтъ, предвѣщающихъ смерть. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ объясненію происхожденія такихъ понятій въ народѣ, ихъ комбинаціи, ассоціаціи и того, какъ онѣ получили догматическое значеніе для народа. Мы можемъ видѣть только, что народъ не оставался равнодушнымъ зрителемъ явленій; онъ старался уяснить ихъ себѣ, какъ могъ. Не его вина, что онъ неудачно объяснял ихъ себѣ; онъ иначе не могъ объяснить ихъ. Къ догматикѣ примѣтъ мы должны прибавить еще одно вѣрованіе о счастливой смерти. «Той дужэ шаслывый оу Бога, хто оумре на вэлыкденъ.» Это древнѣйшее повѣрье. Извѣстно, что славяне-язычники представляли царство блаженныхъ на островахъ. Впрочемъ и у Грековъ было это представленіе, и у нихъ были *nisoi makaron*.²⁶⁾ Этимъ представленіемъ объясняется почему самую счаст-

²⁶⁾ Въ одной пьесѣ адскій судія, между прочимъ, обращается съ слѣдующими словами къ праведнымъ: *umejs de oj agathoj apite es to Helysion pedion kaj tas makaron nisoyz katojkojite.*

ливою смертію почиталась смерть на «вэлыкден» т. е. въ началѣ весны: во время поводовъ самый легкій путь въ царство блаженныхъ. Впрочемъ это архаичное, языческое объясненіе замѣнено теперь христіанскимъ; теперь смерть на свѣтлое воскресеніе считаютъ счастливою потому, что тогда бывають отверзты царскія врата, а слѣд. и врата царствія небеснаго.

III. Обряды при «кѳнані.»

Представивъ народную догматику примѣтъ, предвѣщающихъ смерть, перейдемъ къ разсмотрѣнію обрядовъ и повѣрій, сопровождающихъ кѳнаня.

«Піт тым, хто конае, на повинно бути подушкы, а найбар і с курячого пір'я: довго буде бідняка мучытыся.» Замѣчательно, что и въ домовину кладутъ подушечки либо изъ «сухого свяченого зія», либо изъ «струшків», но не изъ перьевъ. «Щобы лекшэ було конаты, даец'ця ў руки тому, хто конае, за свѣчена *гримныця*». *Громницю* называется страстная или богоявленская свѣча, потому что ее зажигаютъ, когда гремитъ, чтобы предохранить домъ отъ громоваго удара.

Впрочемъ, по догматамъ народныхъ повѣрій не-
всякая страстная и богоявленская свѣча есть
громница. Страстная свѣча, чтобы сдѣлаться
громницею, должна горѣть, по крайней мѣрѣ, при
трехъ страстяхъ; а *трийця* (свѣча богоявл.)
повинна бути на 7 водохрѣщахъ, бо воду свя-
тятъ три разы оу рік; на голодну кутю (богояв-
леніе), на рахман'скій вѣлыкден' (преполовеніе)
и на маковей (1 Августа).«

Въ Малоросіи эта свѣча употребляется »при
благословеніи молодыхъ«²⁷⁾. Также когда есть
въ домѣ безнадежный больной, то зажигаютъ ее
предъ иконою²⁸⁾.

Если кто долго *конаеть* и при этомъ силь-
но мучится, звонять »по души«, »даютъ на по-
свиннѣ«. Впрочемъ, въ большей части случаевъ,
дѣлаютъ это уже по исходу души отъ тѣла. Обы-
кновенно за »по свиннѣ« платятъ нѣсколько копѣ-
екъ.

²⁷⁾ Терещ. Б. Р. нар. Ч. VI, стр. 100.

²⁸⁾ *ibid.*

IV. Обряды, слѣдующіе послѣ смерти.

Мертвое тѣло сейчасъ обмываютъ; при этомъ сбрасываютъ рубашку не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается, а »дѣрутъ від пазухы аж до долины.« Кстати замѣтимъ здѣсь, что если дитя испугается чего нибудь, то ему тоже подоб. обр. дерутъ рубашку.

Если умерла дѣвица, ее наряжаютъ какъ подѣ вънецъ и къ погребальной церемоніи присоединяются нѣкоторые свадебные обряды. Этотъ обычай бытуетъ и въ харьк. губ. и вообще на Украинѣ.²⁹⁾ Такъ же обр. наряжаютъ и умершаго парубка. Женщину особенно старуху, наряжаютъ непременно въ «завытя» т. е. въ бѣлую свитку и бѣлую намітку. Дитя хоронятъ въ рубашкѣ (сорочэцѣ), но она непременно должна быть опоясана. Во 2 т. Записокъ о Юж. Руси³⁰⁾ выставлена слѣд. причина этого: «нѣ пітпѣрезаного нѣ треба ховаты, бо на тімъ світі хтоś дасть йому (дытяти) яблучко чѣрвоноє грацѣя, а воно має у

²⁹⁾ З. о Ю. Р. Т. I. стр. 289—90. см. также похороны »Марусі« Квиткы. Изданіе Кулиша. Т. I стр. 109—161.

³⁰⁾ стр. 288—9.

пазуху сховаты: а яблучко до долу, а воно уп'ят' достае, та оусе оу пазушку! а воно уп'ят' до долу; та так біднен'ке й будэ мучыц'ця з яблучком. А як пітпэрезане пояском, то схова, а воно й нэ выпадэ с пазушкы—щей ніхтів нэ зрізуют' малому, а то на якус' гору нэ здэрец'ця,—чи на с'вяту, чи што: бачыш, нічым бы то будэ ухопыц'ця.» Но мнѣ передали это нѣсколько иначе: »Як умре дытына, баба (повивальная бабка) і убэрае и пітпэрізуе. Маты дытыны просыт бабу, щобы вона нэ багато гу_сів в'язала, бо кіл'ко зав'язжэ гу_сків, тіл'ко вона ще родыт літэй. Як оу дытыны оуже оптыналы пазюрі, то іх кладут і за пазуху, бо на тім с'віті спытают; «а де твоі ніхті?» Хто выдав іх на землю, и нэ ховав оу пазуху, того пішлют збэраты іх. Повідают, що на тамтїм с'віті тре будэ драпатыся на шклянну гору; тым-то й потрібні вэлыкі погністі.»

Подобное повѣрье о ногтяхъ известно и въ Кіев. губ. ³¹⁾ Но тамъ еще говорятъ, что и потому нельзя бросать на землю обрѣзываемыхъ ногтей,

³¹⁾ Lud Ukr. t. 2. str. 150.

что чортъ собираетъ ихъ, и дѣлаетъ себѣ изъ нихъ шапку-невидимку. Если онъ покроетъ себя этою шапкою, Богъ не можетъ поразить его громомъ. Литовцы бросали обрѣзываемые ногти тоже не на землю, а на огонь, въ той надеждѣ, что они, превратившись въ дымъ и поднявшись на воздухъ, могутъ быть найдены умершими въ воздушномъ пространствѣ.³²⁾ Такія, или подобныя повѣрья о ногтяхъ извѣстны и у другихъ народовъ. Онѣ находятся и въ талмудѣ. Въ скандинавской Эддѣ корабль, на которомъ плывутъ сыновья Мусспела для истребленія свѣта и боговъ, построенъ изъ ногтей умершихъ людей.

³²⁾ Narbut: t. 1. str. 355. Здѣсь кстати приведемъ одну литовскую клевету, имѣющую аналогію съ южнорусскимъ вѣрованіемъ о взлѣзаніи умершихъ на стеклянную гору: »Есть очень высокая и неприступная гора, извѣстная подъ именемъ Anafelas. На нее должны взбираться тѣни умершихъ. Чтобы удобнѣе взлѣсть на нее, нужны длинные ногти. Въ могилу бросаютъ ногти звѣрей, оружія, лошадей, слугъ и т. п., чтобы умершій, при помощи ихъ, могъ облегчить себѣ взлѣзаніе на гору. Чѣмъ человекъ былъ богаче, тѣмъ труднѣе ему взойти на гору: имѣнія обременяютъ его. Бѣдный человекъ легкокъ, какъ перо, и можетъ взойти на гору, если при жизни не прогнѣвалъ боговъ. Живущій подъ горою смокъ (—змѣй горыничъ) Wizupas отнимаетъ у грѣшнаго богача имѣніе, и злые вѣтры увосятъ его, наравнѣ съ грѣшнымъ бѣднякомъ. На вершинѣ горы живётъ божественное существо, которое судить умершихъ.« Narb. t. 1 стр. 384—5.

Не съ цѣлю-ли облегчить взлѣзаніе на гору бросали въ гробъ въ древности, такъ называемыя, *древомазная плетенія*? Впрочемъ, можетъ быть обрядъ этотъ имѣлъ и другое значеніе, не имѣющее аналогіи съ повѣріемъ о ногтяхъ. Быть-можетъ, и самое повѣріе о ногтяхъ имѣетъ другой смыслъ. ³³⁾ Для большей полноты, мы должны привести здѣсь еще одно повѣріе о ногтяхъ: «Як чоловік був йще у раю, на оусім тілі у ніго була така покроба, з якої тѣпер пагнієтї. Як він согрішив, тая покроба спала; зісталася тіл'ки, як знак того що було, и як надія на то, що йще будє, на кін'цях пал'ців.»

Ближайшіе родственники умершаго закрываютъ ему глаза и уста, конечно для того, чтобы трупъ не имѣлъ безобразнаго вида. Мы знаемъ, что и у римлянъ этотъ обрядъ строго соблюдался и у евреевъ. ³⁵⁾ Литовцы-язычники тоже сожигали съ трупами своихъ покойниковъ когти различныхъ животныхъ. Стрыйковский, описывая погребеніе Кейстута, говоритъ, что, вмѣстѣ съ его трупомъ, были сожжены «разногосіє гусіє і niedzwiedzie» (стр. 467). Евреи тоже причтутъ обрѣзываемыя у дѣтей ногти. Когда W спросилъ у одного еврея для чего это дѣлають, онъ отвѣчалъ «зваче счастье». См. также «Сборникъ» К. Тел., стр. 133—4.

стѣ тою же цѣлюю ³⁴⁾. Но народъ объясняетъ себѣ цѣль этого обряда по своему: »як умэрціові віткрыті очі, то він за кымоє дывыц'пя,« т. е., еще кто-нибудь изъ тогоже дома скоро оумретъ.

Иногда тесьмою перевязываютъ умершему руки и ноги. »Хто служыт, тому добрэ маты пры собі перевязку із умэрлого; щобы вэ зробыв він, той оу кого він служыт, будэ мовчаты як оумэрлый«.

Тѣло обыкновенно кладутъ на «ослоні» или на столѣ среди комнаты. Этотъ обычай бытуетъ и на Украинѣ. «Покойника, говоритъ г. Максимовичъ ³⁵⁾ на Украинѣ кладутъ и отпѣваютъ не на столѣ, а на лавкѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего поетъ ему:

Хіба тоді затужу,
Як на лаві положу,
Хіба тоді заплачу,
Як на лаві побачу!»

Если въ комнатѣ есть зеркало, его покрываютъ или оборачиваютъ стекломъ къ стѣнѣ.

³⁴⁾ Virg. Aen. IX, 497; Ovid. Her. I. 102 и 113; 11. 102; X, 120. Svet. Ner. 49.

³⁵⁾ Р. Б. 1856 г. кн. 1, стр. 78 въ стѣсл.

Этимъ выражается трауръ. Возлѣ трупа сидитъ старуха, и снимаетъ со свѣчь, горящихъ при немъ, а лѣтомъ, кромѣ того, и отговяетъ мухъ. Если умершій былъ членомъ братства, при тѣлѣ его горитъ братская свѣча. Впрочемъ, это соблюдается не во всѣхъ братствахъ подольской губ., а только въ тѣхъ, гдѣ каждый членъ братства имѣетъ свою свѣчу, гдѣ же онѣ общи, тамъ этого не бываетъ.

Родственники и ближайшіе сосѣди умершаго, особенно изъ послѣднихъ жившіе въ ладахъ, въ дружбѣ съ нимъ, проводятъ возлѣ него ночи во блѣннѣ. При этомъ мальчики и парубки «бьютъ лубка». Эта игра отправляется только на похоронахъ и состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ играющихъ накрывается кожухомъ такъ, чтобы ничего не могъ видѣть. Кто-нибудь изъ играющихъ ударяетъ жгутомъ покрытаго (бьетъ лубка) и тотъ долженъ угадать кто его ударилъ. Если угадаетъ, на его мѣсто идетъ ударившій его, если же нѣтъ, его бьетъ кто-нибудь другой и т. д. Играющіе представляютъ собою нѣчто въ родѣ *gladiatores bustuarios* ³⁶⁾. Другіе играютъ въ пан-

³⁶⁾ Hor. Sat. 11, 3. стр. 85. Serv. in Virg. Aen. X, 519.

филя въ *маланку* ³⁷⁾ или иначе какъ *нибудь* проводятъ время. Родственники рассказываютъ о послѣднихъ минутахъ жизни умершаго, сосѣди во-сиоминають замѣчательные случаи изъ его жизни, при этомъ слѣдуютъ воспоминанія о другихъ умершихъ, гдѣ дѣйствительность всегда переме-шана съ фантазіями старухъ. Часто заходятъ рѣчь о «туреч'чинѣ, козач'чинѣ и гайдамач'чинѣ», «однимъ словомъ идутъ рассказы «від свѣта по-топа». Все это начинается и сопровождается ча-рою зелена вина.

Комната, въ которой находится мертвое тѣ-ло, не метется во все время его пребывания въ

³⁷⁾ Игра въ *Маланку* также употребляется только на похоронахъ. Хотя она позднѣйшей формации и не вездѣ распространена (мнѣ случилось видѣть ее толь-ко въ Каменцѣ), однако въ ней представлена дѣйстви-тельность, живьемъ взятая съ природы. — Берутъ столь-ко картъ, сколько есть игроковъ, и даютъ имъ усло-вныя названія: такъ *дама* какая-нибудь представляетъ собою *Маланку*, другія карты представляютъ разные полки; *тузъ* представляетъ палача, *король* начальника. Карты эти перемѣшиваютъ и разбираютъ играющіе. Самая незавидная роль *Маланки*. Попавшій эту карту идетъ къ начальнику съ жалобой, что ее (*Маланку*) обидѣлъ *м* полкъ. Начальникъ говоритъ, чтобы она указала виновнаго. Но какъ полковъ много, то она почти никогда не попадетъ на виновнаго, за что ее бьютъ. *Маланку* обижаютъ и вдобанокъ бьютъ!

ней; или если и метутъ ее, то соръ не выносятъ, и метутъ не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается, а отъ порога къ столу, такъ, что соръ остается подъ мертвымъ тѣломъ.

Присутствіе мертвеца по народной догматикѣ производитъ извѣстную перемѣну не только въ томъ домѣ, гдѣ онъ есть, но и въ цѣломъ околоткѣ. Такъ въ домахъ сосѣднихъ съ домомъ, въ которомъ есть мертвое тѣло, «нѣ можна пыты на ранокъ воды, якъ вона пѣрѣвочуе у хаті, бо душа прыходыт пыты; треба тую воду вылляты. — Якъ е оумѣрлецъ нѣ можна рушаты насія, бо нѣ зійде; нѣ можна также пѣтсыпаты квочки (насѣдки), бо позаоумѣрают курята. Якъ квочка сыдыт, нѣможна їі говорыты за оумѣрців.»

V. Погребальные обряды.

Подольяне погребаютъ умершихъ во всякое время дня. Поселяне по заходѣ солнца не хоронятъ умершихъ; но у горожанъ этотъ обычай бытуеть. Изъ вопросовъ черноризца Кирила (онъ былъ дьякомъ въ 1134 г.) Мы знаемъ, что и въ то время запрещалось хоронить мертвеца по заходѣ солнца. Напротивъ того славяне язычники совершали погребеніе ночью, какъ это можно

видѣть изъ словъ византійскаго лѣтописца, который такъ говоритъ о погребеніи воиновъ святославовыхъ: »ночью, при появленіи полной луны, непріатели (руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ тоже время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣгуховъ³⁸⁾.«

При выносѣ тѣла изъ дому ударяють трѣ раза объ порогъ домовиною. По народному толкованію, это значитъ, что покойникъ *»прощаетъ»* изъ дома. Впрочемъ это дѣлается, кажется, только при погребеніи хозяина дома и то не вездѣ. Голембѣвскій говоритъ, что этотъ обрядъ есть у подляескихъ малороссовъ. Въ придѣстровскихъ деревняхъ при выносѣ мужа изъ дому жена бьетъ новый горшокъ и повсему двору насыпаетъ овсомъ. (Голебъ. ч. 2. 354.) Безъ сомнѣнія этимъ означается упадокъ хозяйства по смерти мужа. Можно думать, что съ тою же цѣлью при

³⁸⁾ Leo Diac. 1. IX.

похоровахъ польскихъ королей ломали *berło, koro-
nę, jabłko, miecz, dzigit*. Это—остатки древне-
славянской тризны.

По выносѣ тѣла, дверь сейчасъ затворяютъ,
»щобы смерг' вѣ вѣрнулаѣ.« На окошкѣ, или на
столѣ кладутъ »склянку, або кукля з водою, пі-
лушку с хлѣба и запалѣну свѣчку.« Значеніе этого
обряда точно неизвѣстно. По народная мистика
прибавляетъ, что это *для души* »бо душа пры-
ходитъ істы й пыты.« Какое же значеніе имѣетъ
зажжонная свѣча? Не служить-ли она символомъ
души? Мы знаемъ, что въ южнорусскихъ сказ-
кахъ душа часто представляется въ видѣ горя-
щей свѣчи ³⁹⁾. Должно думать, что обрядъ этотъ
есть остатокъ стихійнаго культа славянъ. По
истеченіи извѣстнаго времени хлѣбъ и воду или
выносятъ на рѣку, или бросаютъ въ печь. Въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ, ко всему этому прибавля-
ютъ еще немного жита, *»щобы було жытя,*
какъ объясняетъ народъ.

Тѣло на кладбище несутъ на »марахъ,« или
везутъ, по большей части, на волахъ. Домовину

³⁹⁾ см. II. Отдѣлъ.

покрываетъ *мірою полотна* (немного больше аршина) или *»рушныкомъ«*; сверху кладутъ хлѣбъ. Послѣ погребенія, это достается священнику. У подлясскихъ русиновъ тоже есть подобный обычай, съ тѣмъ отличіемъ, что они, по Голембѣвскому, кладутъ или кусокъ полотна, или хлѣбъ ⁴⁰⁾. Если хоронятъ дѣвушку или парубка, несущимъ гробъ, какъ на свадьбѣ, прикалываютъ къ боку букеты, къ хоругвямъ привязываютъ *хустки* и *рушныки*, которые послѣ погребенія, достаются тоже священнику.

»Як несуть оумѣрця,—грѣх дывытыся чэрэз вікно; хто подывыцця и воз'мецця рукою денебуд' за свое тѣло, оу тѣм мѣсці будэ мэртва кістка«.

Въ »грібѣ« бросаютъ мелкую монету, »щобы мѣсце купыты.« Иногда бросаютъ также нѣкоторыя вещи, особенно любимыя покойникомъ. Впрочемъ обычай этотъ часъ отъ часу становится рѣже. При раскопкѣ старыхъ могилъ нерѣдко находятъ бутылки съ водкою, рожки или табакерки съ нюхательнымъ табакомъ и др. Это я

⁴⁰⁾ Golomb. ч. 2. стр. 256.

слыхалъ отъ нѣсколькихъ гробоконателей (грабарыкѣв). Это напоминаетъ слѣдующую могильную надпись, найденную въ новогрудскомъ лѣсу:

«Тутъ Иванъ Сѣмашко лежитъ,

У ногахъ черная собака тужить,

У головахъ фляшка горилки стоитъ,

У рукахъ острый мечъ держать.

Го! го! го!

Щожъ кому до того? ⁴¹⁾»

Послѣ погребенія даютъ обѣдъ въ честь умершаго, въ которомъ главную роль играетъ *коливо*, т. е. вареная пшеница съ медомъ. На обѣдѣ стараются давать такія кушанья, которыя преимущественно любилъ умершій, «бо то гудуютъ його душу.» Обѣдъ этотъ можно сравнить съ римскимъ *silicernium*.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь для сравненія нѣсколько похоронныхъ особенностей, извѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ. Методъ этнографіи, какъ отрасли нравственнаго естествознанія, долженъ быть попреимуществу сравнительный.—Въ Кіевѣ даютъ обѣдъ, подобный тому, какой подоляне даютъ въ честь умершаго послѣ

⁴¹⁾ *ibid.* str. 232.

его погребенія, ежедневно, въ продолженіе всего времени, пока трупъ лежитъ дома. Хустки употребляются при погребеніи не только дѣвицъ и парубковъ, но вообще при всякомъ погребеніи. Впрочемъ онѣ достаются, послѣ погребенія, тѣмъ которые несутъ гробъ, а священнику дается только одна. Въ полтавской губерніи, при погребеніи дѣвицъ, платки даются воспріемникамъ. У кавказскихъ горцевъ похоронныя угощенія тоже продолжаются три дня ⁴²⁾.

VI. Обряды, совершаемые въ честь покойниковъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни.

Послѣднимъ погребальнымъ обрядомъ еще не оканчивается все, относящееся къ некромантвизму подолянъ. Есть еще обряды, которые должны соблюдаться въ честь умершаго въ различное время и различнымъ образомъ. Нечего и упоминать здѣсь о траурѣ (жалобѣ) по умершихъ: онъ извѣстенъ у всѣхъ народовъ. У подолянъ трауръ продолжается годъ и шесть недѣль. Къ нему присоединяется запрещеніе из-

⁴²⁾ Москв. 1855 NN 23—4 статья г. Швецова стр. 21.

вѣстнаго рода увеселеній, напр. запрещеніе пѣнія, тавцевъ ⁴³⁾, игръ и т. п. Нечего также упоминать о *третинахъ, девятинахъ, сорочинахъ* и о *сорокоустъ*. Въ календарѣ подольнъ есть извѣстные дни для поминовееія умершихъ; но объ нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ о календарѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что при *поминкахъ* употребляются преимущественно жаренныя курицы; можетъ быть, это остатокъ того бросанія пѣтуховъ въ Дунай, о которомъ говорится при погребеніи святославовыхъ воиновъ.—Объ обрядѣ хожденія на могилки мы уже говорили. Кромѣ всего этого, есть еще обряды, сюда относящіеся.

Если у матери умерло одно или нѣсколько дѣтей, она не кушаетъ вишень и черешень до *«лѣпухатого Івана»* т. е. до 24 Іюня. Въ этотъ день мать раздаетъ дѣтямъ сосѣдей вишни и черешни, а послѣ сама начинаетъ кушать. *«Як мама їст' черешні й вишни до святого Яна Купайлы, дітям і на тім світі не дають вишен'»*

⁴³⁾ Вотъ какъ народъ объясняетъ себѣ почему не лзя танцовать: *«оу кого оумер, хто з блискыхъ родычів, тому не можна танцювати, бо оумершымъ тяжко ляжаты оу землі, як прыдопчуваты.»*

і чэрэшні, і воны бідні мучац'ця. Як маты роздае на Іван'ця вышні і чэрэшні, вона дае іх своїм д'тям.» Не могу нав'рно сказаць, со-блюдаецца-лі гэты обряд і мужчынамі. Та-кимь же точно обр. і съ тою же ц'лію, ма-тери, у которыхъ умерли д'ти, не ѣдятъ яблoкъ и грушъ, а въ н'которыхъ м'стахъ и дынь ⁴⁴⁾ до »Спаса« т. е. до 6 Августа. Эготъ обрядъ выполняють і мужчыны. Въ день Спаса роздають яблoки и груши д'тямъ, а потoмъ сами кушають. Оба эти обряда (первый, особенно въ Каменц'ь, котораго патрономъ почитается Іоаннъ Крести-тель) соблюдаются очень строго. До опред'лен-ныхъ сроковъ, по народному в'рованію, могутъ употреблять, и д'йствительно употребляютъ въ пищу вишни, черешни, яблoки, груши и дыни т'ь, у кого не умирали д'ти.

Непрем'нною обязанностию родственниковъ умершихъ почитается также годичное поминове-ніе умершихъ или *парастас* (съ греческаго: пред-стательство, ходатайство). Каждый зажиточный хозяинъ свято выполняетъ эту обязанность въ честь умершихъ. Парастасы отправляются пре-

⁴⁴⁾ Въ Кіевѣ начинаютъ продавать дыни тоже только со Спасова дня.

имущественно осенью. Къ нимъ дѣлають значительныя приготовленія. Въ назначенный день отправляютъ служеніе за упокой, и приглашаютъ домой нищихъ. Длинный столъ уставляютъ колачами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книшамъ съ зажженными свѣчами и курицами. На срединѣ его стоитъ коливо или кутя. Священникъ отпѣваетъ павихиду. При пѣніи «вѣчная память» домашніе подносятъ вверхъ или кутю или колачъ. Послѣ начинается угощеніе или «частованья». Г. Новосельскій предполагаетъ, что послѣднее слово происходитъ отъ санскритскаго *szetas*—духъ.

Каждый изъ присутствующихъ, въ честь умершихъ, долженъ отвѣдать по три ложки кутя. Кутя или коливо обыкновенно готовится изъ вареной пшеницы, или ячменя, или изъ другихъ зернъ, меду и маку (иногда). Въ символикѣ и гіератической письменности зерно, и въ особенности ячмень, служитъ символомъ возрожденія. Медъ въ древнихъ мистеріяхъ служилъ символомъ спасенія: *in mythriacis* умывали имъ руки, приписывая ему очистительную силу. Языкъ очищали отъ грѣха тоже медомъ. Орфическое ученіе меду, на равнѣ съ макомъ, приписывало

силу усыпленія. Медь употребляется для того, чтобы довести людей до прозрѣнія въ будущее; на этомъ, безъ сомнѣнія, основаніи дельфійская жрица называлась пчелою. *Meli*—медь, *melos*—пѣсня, *melos*—говору, пою происходятъ отъ одного корня: поэтъ и пророкъ (*vates*) въ древности были однозначашими словами. Въ гомерическомъ гимнѣ къ Гермесу (стихъ 550 *et seq.*) сказано: »когда три Меры отвѣдаютъ свѣжаго меду, находятъ на нихъ вдохновеніе, и онѣ спрашивающему открываютъ будущность.« Медь приносили также въ жертву подземнымъ божествамъ: Гадесу, Гекатѣ, Манамъ. Онѣ были посвященъ также Афродитѣ и Персефонѣ, потому, что *libido* неразлучно съ *libitina*: понятіе »рожденіе« заключаетъ въ себѣ представленіе о »смерти.« Медь служитъ также символомъ воскресенія: Главкъ воскресъ, отвѣдавши меду; при возвращеніи золотого вѣка, по словамъ *Виргилія*,

Durae quercus sudabunt roscida mella; (*Ecl.* IV. v. 30) и у евреевъ символомъ возрожденія ихъ, предвѣстіемъ вступленія ихъ въ новую жизнь была земля, кипящая медомъ и молокомъ.

Изъ сказаннаго нами видно значеніе кути: это—жертва тѣнямъ предковъ. Г. Новосельскій

думаетъ. что слово кутя происходитъ отъ санскритскаго *kut*—затемнять, потому-что кутя назначается для душъ умершихъ, находящихся въ подземномъ царствѣ. Онѣ покровительствовали свои роды, и потому почитаемы были за домашнихъ боговъ (*theoj katojkidioj.*) ⁴⁵⁾ Это уваженіе къ умершимъ предкамъ бываетъ у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія.

Послѣ кутя на парастасѣ слѣдуетъ попойка, а затѣмъ различныя кушанья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣннымъ кушаньемъ на парастасѣ считается *душэнына*. Парастасѣ обыкновенно оканчивается тѣмъ, что присутствовавшимъ на немъ даютъ по колачу или книшу.

Парастасѣ имѣеть сходство съ сербскою *дачею*, съ литовскими *хавтурами* ⁴⁶⁾ и съ польскими *dziadami*. ⁴⁶⁾ Впрочемъ и на Украинѣ иногда употребляется слово »*діды*« для обозначенія поминовенія умершихъ. Слѣды этого названія можно

⁴⁵⁾ Lud Ukr. t. 1. str. 142.

⁴⁶⁾ Желаяшіе познакомиться съ этими обрядами могутъ найти свѣдѣнія о нихъ: у Нарбутта т. 1. стр. 314—15 377—382; у г. Новосельскаго: Lud Ukr. т. 1. стр. 134—145; и у г. Зенькевича »*uroczystos'ciach i zwyczejach ludu Pin'skiego i t. d.* Warszawa 1853.

видѣть и въ словѣ »дідух« Такъ называется солома, которую постилаютъ въ навечеріе рождества Хр. Основаніе этого сближенія можно видѣть въ томъ, что тогда, какъ и въ навечеріе Богоявленія, употребляется кутя. Можно думать, что тогда у славянъ были поминанія умершихъ.

Теперь изложимъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни, обломки давней старины. Изъ нихъ мы опять увидимъ, что представленія эти слагались изъ народнаго быта. Печь представлялась подобіемъ »пекла«. Вотъ повѣрье, сюда относящееся: »якъ выбѣрут хлѣбъ с пѣца, треба оу пѣч оукынуты поліно, або хоч трісочку, щобы було почім с пекла вылізты.« Замѣчательно, что заботливость о томъ, чтобы какъ-нибудь вернуться отъ пекла выразилась въ повѣрьи даже о такомъ предметѣ, который, по видимому, не имѣетъ ни какого отношенія къ пеклу: »якъ позычыш оу кого голкы, треба відлати і зныткою, щобы було чым вытягнуты с пекла.« Впрочемъ, можетъ-быть иголка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ пеклу. Въ ворожбѣ и заговорахъ на *непочатой водь* она употребляется съ углемъ и »пѣчиною« (глиною изъ печи), символами пекла. Въ сказкѣ объ Иванѣ разбой-

никѣ, извѣстномъ въ Галиціи подъ именемъ Мадея, орудіемъ мученія его въ аду становится кровать, набитая иголками и булавками.⁴⁷⁾ Домашній огонь служить также символомъ адскаго огня. »хто ходыт позычаты вогню по чужих хатах, того заставлят на тѣмы свѣті істы вогон'; и тѣл'кы повинѣн з'істы іого, кіл'кы пожычыв.« Здѣсь кстати замѣтимъ, что народная фантазія проводитъ соотвѣтствіе между проступкомъ и адскимъ наказаніемъ за него. Въ 1-мъ томѣ »З. о Юж. Руси.«⁴⁸⁾ представленъ рядъ подобныхъ созданій народной фантазіи, бытующихъ и у подолянъ. Вотъ еще нѣкоторыя изъ нихъ: »хто плюне на кого, будэ на тамтѣм свѣті злызуваты; хто оубѣ гадюку палкою, або чым другим, будэ на тѣм свѣті істы і: гадюку треба быты хлѣбомъ (?); хто пожычыт що оу кого и нэ віддаст', будэ на тѣм свѣті віддаваты, алэ ніхто нэ воз'мэ.«

Люди, убитые громомъ, считаются счастливыми. Души людей, съѣденныхъ звѣрями, считаются погибшими. Бываютъ несчастные случаи, что свиньи съѣдаютъ дѣтей. Души этихъ дѣтей

⁴⁷⁾ см. ниже эту сказку. ⁴⁸⁾ см. 306—8.

считаются уничтоженными; думаютъ, что свиньи имѣютъ способность съѣдать души. Свиней, виновныхъ въ этомъ преступленіи, живьемъ закапываютъ въ землю, а о дѣтяхъ, съѣденныхъ ими не молятся. ⁴⁸⁾ Земля, по вѣрованію подолянъ, не принимаетъ въ себя костей дитяти, проклятаго матерью.

Въ одной изъ *щедривок*, извѣстныхъ у подолянъ, исчисляется за какіе проступки люди пойдутъ во адъ. Къ сожаленію, этой щедрилки теперь нѣтъ у меня подъ рукой. Помню только, что, между прочими, будутъ въ пеклѣ тѣ, которыя въ » *пѣятылицю хуста золот.*« Мы ниже

⁴⁸⁾ Здѣсь кстати замѣтимъ, что у восточныхъ народовъ свинья была символомъ *ночи* и *разрушенія*; солнце, удаляющееся послѣ лѣтняго своего поворота на зиму принималось за побѣжденное *свиноголовымъ Тифономъ* (г. Аванасьева: зооморф. б. у славянъ, ст. 3 стр. II). Свинья обыкновенно приносилась въ жертву темнымъ богамъ. У евреевъ свинья причислена къ нечистымъ животнымъ. У подолянъ есть легенда, въ которой свиная происходитъ изъ еврейки. У славянъ свинья символизировала мрачное божество и его атрибуты ночь и разрушеніе. Это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ загадокъ: »*сиві кабаны усе поле заляглы.*« Подъ »кабанами« разумѣется здѣсь туманъ. »Прыйшла тѣмнота під наші ворота, пытаєшця лѣпѣты: чи дома *понура?*« Свинья здѣсь называется *понурою*, мрачною. Слѣды того, что свиная служила символомъ разрушенія сохранились въ повѣрьи, по которому души дѣтей, съѣденныхъ свиньями, почитаются уничтоженными.

увидимъ формацию этого воззрѣнія. — Народная фантазія варитъ души умершихъ въ котлахъ, наполненныхъ смолою; неизвѣстно только какой пиръ и для кого она думаетъ состряпать изъ этого. Изъ сказокъ, помѣщенныхъ во II отд., настоящаго выпуска, мы увидимъ еще нѣкоторыя представленія подолянъ о загробномъ мірѣ. Здѣсь кстати мы должны извиниться передъ вашими читателями въ томъ, что во II-мъ отд. настоящаго выпуска помѣщаемъ не загадки, какъ это мы обѣщали, а сказки, относящіяся къ статьѣ перваго отдѣла. Такъ какъ эти сказки имѣютъ близкое отношеніе къ статьѣ о похоронахъ, объясняя многія представленія изъ некроромантическаго культа, то мы сочли нужнымъ отложить загадки до будущаго выпуска.

VII. Заключение.

Теперь сдѣлаемъ общее заключеніе изъ всего, доселѣ нами сказаннаго. При этомъ мы беремъ въ руководство слова Мажанди: »не всѣ народныя повѣрья такъ смѣшны, какъ онѣ вообще кажутся учоному предубѣжденію« и Лейбушера: »даже въ самыхъ смѣлыхъ и свободныхъ комбинаціяхъ народная фантазія дѣйствуетъ на есте-

ственномъ основаніи.» ⁴⁹⁾ Мы только должны доискиваться этого основанія, и тогда народные предрасудки и обряды не будутъ казаться намъ смѣшными: они будутъ осмыслены для насъ; они будутъ окаменѣlostями извѣстной исторической эпохи. Тогда мы будемъ смотрѣть на нихъ съ естественной точки зрѣнія. Ботаникъ, при видѣ какого-нибудь ненормально выросшаго растенія, долженъ вникнуть въ причины этой аномальности, не винить въ томъ растенія, зная, что причина его аномальности не въ немъ, не въ его природѣ, а въ обстоятельствахъ при которыхъ оно росло. Съ такой же точки зрѣнія и мы должны разсматривать естественныя произведенія народнаго духа.

Мы знаемъ, что первые мыслители какого-нибудь народа для распространенія въ немъ ползвыхъ свѣдѣній, добытыхъ ими, старались освятить ихъ авторитетомъ свыше, передавали ученіе свое отъ имени Бога, и зачастую прибѣгали къ мистицизму и облакали свое ученіе въ заманчивую форму. Конечно, они дѣлали это по

⁴⁹⁾ Leubuscher: Ueber die Wehrwölfe und Thir-Verwandlungen im Mitt. Berlin. 1830.

той естественной причинѣ, что народъ, стоящій на низкой ступени развитія, еще не можетъ принимать истину ради самой истины: его плѣняетъ внѣшняя форма, въ которую облекается истина. Руководствуясь этимъ, мы можемъ объяснить нѣкоторыя, изложенныя выше повѣрья. — Известно, что дрова бросаются въ печку »на распалокъ,« какъ говорятъ подоляне, и что, если въ иголкѣ есть нитка, то ее не такъ скоро можно потерять. Слѣд. въ основѣ того, что по вымугити хлѣба изъ печи, въ нее бросаются дрова, и что занятая иголка возвращается ея владѣльцу съ ниткою лежить очень простая цѣль, заключающаяся въ полезности этихъ дѣйствій. Но первый, кто дошелъ до полезности этихъ истинъ, сообразуясь съ духомъ народа, передалъ ихъ въ мистической формѣ, сказавъ, потому—де надо исполнять ихъ, что по дереву, брошенному въ печь надо будетъ вылѣзть изъ пекла, а ниткою, находящеюся въ иголкѣ, надо будетъ вытаскивать оттуда. Основаніе полезности лежитъ и въ томъ повѣрьи, по которому въ пятницу не лзя золить бѣлья. Дѣйствительно, худа та хозяйка, которая въ пятницу золить бѣлье, потому—что, особенно зимою, она ни какъ не управится съ нимъ до воскре-

сеня, и оно будетъ только гнить. Потому-то и отсылають такихъ хозяекъ въ пекло. Повѣрье это сильно укоренилось въ народѣ, и, должно думать, очень древнее. Вотъ мѣсто изъ Стоглава, подтверждающее наше мнѣніе: »по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки мужики и жонки и дѣвки и старые бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя трясутся, и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіаномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти и *платія не мыти*, и каменія не разжигати, и иныя заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественнаго писанія.«⁵⁰⁾ Нѣкоторые запрещеніе *золить бѣлье* въ пятницу и вообще производить какую-бы то нибыло работу (хотя послѣдній обычай теперь не существуетъ) объясняютъ тѣмъ, что пятница была посвящена Яссу (Перуну)⁵¹⁾. — Естественное основаніе лежитъ и въ томъ повѣрьи, что душѣ легче, если на могилѣ растетъ дерево. Извѣстно что растенія очищаютъ воздухъ,

⁵⁰⁾ Вопросъ 21 гл. 40. ⁵¹⁾ Narbutt. т. I. стр. 8.

что особенно нужно тамъ, гдѣ разлагаются трупы. Достаточно вспомнить *turgis maesenatiana* и исторію ея происхожденія ⁵²⁾). Естественнымъ же обр. объясняется мистическое значеніе закрытія глазъ умершему, какъ мы это видѣли изъ сравненія этого обряда съ подобнымъ римскимъ обрядомъ.

Надо отдать народу справедливость въ томъ, что онъ иногда очень характеристично объясняетъ себѣ цѣль извѣстныхъ обрядностей. Извѣстно, что умершаго священника покрываютъ »воздухомъ.« Церковная археологія такъ объясняетъ этотъ обрядъ: »воздухомъ накрываются сосуды съ безкровными дарами; священникъ тоже своего рода сосудъ и носитель этихъ даровъ.« Но народъ по своему толкуетъ этотъ обрядъ: »попы дужэ задрісні (завистливы), тым-то й по смерті закрывають ім очы, щобы закрыты від них ўсіо.« Замѣчательно, что народъ всегда остается вѣренъ своимъ представленіямъ: еще въ былинахъ есть подобнаго рода типъ. Алеша Поповичъ, этотъ хитрый, изворотливый »бабіи пересмѣшникъ и

⁵²⁾ Suet: Ner. 38. 31. Aug. 72. Tib. 15.

судейскій перелестникъ,« тоже любить засматриваться на золото и серебро. Это видно изъ словъ Ильи Муромца. Когда Добрыня увидѣлъ ископытъ съ полнечи, витязи наши совѣщались кого-бы послать противъ могучаго богатыря, котораго отыскали слѣдъ. Рѣшили послать одного, другаго, но Илья не соглашался. Когда хотѣли послать Алешу Поповича, онъ сказалъ: »не ладно: Алеша увидить на богатырѣ много золота и серебра, засмотрится, и пропадетъ понапрасну.«

Не всегда мистицизмъ является преднамѣренно при извѣстныхъ обрядахъ и, такъ сказать, ante rem. По большей части, бываетъ обратное происхожденіе его, т. е. онъ является post rem. Иногда существуетъ какой-нибудь обрядъ, но первоначальное значеніе его для народа утрачено. По этому народъ придаетъ ему мистическое значеніе. Это явленіе сплошь да рядомъ замѣчается въ греческой мифологій. Оно встрѣчается также и въ церковной археологій. Имъ можно объяснить и нѣкоторые обряды подолянъ.

Говоря о зажженной свѣчѣ, поставленной вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водою, по выносѣ тѣла

изъ дому, мы сдѣлали предположеніе: не служить ли свѣча символомъ души, на томъ основаніи, что горящая свѣча въ южнорусскихъ сказкахъ часто символизируетъ душу? ⁵³⁾ Къ этому мы должны еще прибавить, что потухшая свѣча при бракѣ служитъ предзнаменованіемъ скорой смерти. Слѣд. горѣніе свѣчи означаетъ жизненную силу, душу. Мы видѣли, что упырь проходитъ мимо тѣхъ домовъ, въ окнахъ которыхъ появляется какой-то огонь. Должно думать, что эти представленія и символы—слѣды огнепоклоненія славянъ-язычниковъ. У поляковъ тоже можно видѣть слѣды этихъ представленій. »Na N. Ranę gromniczną« зажигаютъ столько свѣчъ, сколько есть родни въ домѣ: чія свѣча прежде потухнетъ, тотъ скорѣе умретъ ⁵⁴⁾. Въ Dziadach Мицкевича, тамъ, гдѣ воспроизводится народная обрядовая сторона этого, ведущаго свое начало отъ языческихъ временъ, праздника для вызыванія умершихъ душъ употребляется сожиганіе различныхъ предметовъ, какъ-то: кудели, прядева (kądzieli), лучины, вѣнца изъ освященныхъ цвѣтовъ и др.

⁵³⁾ см. ниже. ⁵⁴⁾ Gołomb. ч. 2, стр. 153.

Мы уже замѣчали нѣсколько разъ, что народъ устраивалъ загробную жизнь, сообразно съ своимъ бытомъ. Это мы видѣли изъ того, что умершему строятъ домикъ, домовину (*tumulus*). Мы сближаемъ слово *tumulus* съ словомъ домовина: *tumulus* есть не болѣе, ни менѣе, какъ видозмѣненное уменьшительное отъ *domus*, вм. *domulus* — *tumulus* (*t* мѣняется съ *d*; *o* перешло въ *u*, потому-что *t* мягче *d*). Гробница Ярослава есть чистое подобіе дома. Мы еще знаемъ одно подольское повѣрье, въ которомъ домъ служить образомъ домовины. Вотъ оно: »хто збудуе дѣм, той скоро ўмре, якъ нѣ забудував іого на чію-небуд' голову. Якъ забудувавъ на собачу голову, собаки нѣ будутъ дѣржатыся коло того дому, якъ на котячу,—коты... Найбіл'ше будуть хаты на мысячу голову, щобы нѣ було мышѣй.«⁵⁵⁾ Домикъ умершаго снабжали различными предметами и продуктами, необходимыми для жизни. Мы знаемъ, что и римляне съ трупами сожигали *fercula* (различныя кушанья съ надписами)⁵⁶⁾,

⁵⁵⁾ Г. Новосельскій несовсѣмъ вѣрно передаетъ это повѣрье. *Lud Ukr.* t. I. str. 165.

⁵⁶⁾ *Virg. Aen.* VI, 223; *Stat. Theod.* VI, 126.

также одежды и украшенія, принадлежащія умершему и его родственникамъ ⁵⁷⁾. Все это называлось *munera vel dona*. Такіе же *dona* были и у подолянъ: слѣды ихъ еще кой-гдѣ сохранились, какъ мы видѣли. Но подъ вліяніемъ христіанства эти *dona* болѣе и болѣе измѣняются. Теперь то, что предназначается умершему, не бросается въ могилу, а раздается въ честь его живымъ. Мы видѣли, что въ честь умершаго даются обѣды, что мать раздаетъ дѣтямъ вишни, груши и т. п. въ честь умершихъ дѣтей.

У славянъ-язычниковъ было вѣрованіе, что души безбрачно умершихъ по смерти будутъ вѣчно скитаться, не будутъ приняты въ созданный народною фантазією рай. По этому надъ безбрачно умершими совершали свадебные обряды. Не помню какой то арабскій писатель передаетъ намъ совершеніе этихъ обрядовъ надъ умершими, хотя и не правильно толкуетъ значеніе ихъ. Остатокъ этихъ обрядовъ сохранился до настоящаго времени. Мы видѣли, что къ погребальнымъ обрядамъ дѣвушки и парубка присоединяются и

⁵⁷⁾ Virg. Aen. VI. 221; Lucan. IX, 175.

свадебные обряды. У поляковъ тоже есть слѣды этого стариннаго вѣрованія. Въ Dziadachъ является безбрачно-умершая дѣвушка и говоритъ о своихъ загробныхъ странствованіяхъ, что она не можетъ ни возвратиться на землю, ни пойти на небо, а должна вѣчно скитаться и заключаетъ такъ:

»Bo słuchajcie i zważcie u siebie,

Że według Bożego rozkazu,

Kto nie dotknął ziemi ni razu,

Ten nigdy nie może być w niebie.«

Въ статьѣ о гаивкахъ мы видѣли зародышъ этихъ толковъ въ погребальныхъ обрядахъ. Тамъ же мы говорили, что когда одинъ культъ смѣняется другимъ, тогда и представленія этихъ культовъ очень часто смѣшиваются. Здѣсь приведемъ одинъ примѣръ. По представленію подолянъ, свойственному всѣмъ народамъ, каждый человекъ при рожденіи получаетъ звѣзду. Паденіе звѣздъ означаетъ смерть. Очевидно, что здѣсь понятія некромантизма перемѣшаны съ астрализмомъ. Впрочемъ у подолянъ есть и другое объясненіе падающихъ звѣздъ, сложившееся въ пору антропоморфизма. У литовцевъ тоже есть подобныя представленія ⁵⁸⁾.

⁵⁸⁾ Narbutt. t. I. str. 72.

По общесловянскому вѣрованію мертвецы и упыри ходятъ ночью только до пѣнія пѣтуховъ. Мы нѣсколько разъ уже видѣли, что пѣтухъ имѣетъ какое-то отношеніе къ некромантизму. Здѣсь приведемъ еще нѣкоторые факты. Мы уже знаемъ, что гайвки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются обрядами *kogutka*. Галицкіе русины въ новый домъ на первую ночь впускаютъ пѣтуха, и если онъ поутру поетъ, вѣрятъ, что домъ построенъ на счастливомъ мѣстѣ. Но мы знаемъ, что домъ есть символъ домовины; слѣд. пѣтухъ является здѣсь опять съ отгѣнкомъ некромантизма. На »фигурахъ« съ распятіемъ тоже изображается пѣтухъ. У литовцевъ были божества, извѣстныя подъ именемъ *gulbi Dewas*: ихъ было столько, сколько людей на свѣтѣ. Мужчины приносили имъ въ жертву пѣтуховъ, а женщины куриць ⁵⁹⁾. Эти древне-литовскія божества имѣютъ сходство со словянскими »родомъ и роженицами« (вилами), остатками некромантизма, смѣшаннаго съ астрализмомъ. Въ словѣ *илькоего хри-столюбца* сказано, что русскіе въ честь ихъ »рѣжутъ кури.« Изъ всего этого не лзя не видѣть,

⁵⁹⁾ Ibid. str. 103.

что пѣтухъ имѣеть какое-то таинственное отно-
шеніе къ некромантизму. Со временемъ, можетъ-
быть, откроются данныя къ разъясненію этой
таинственности. А разъяснять ее а priori, безъ
надлежащихъ данныхъ, мы не намѣрены.

ОТДѢЛЪ Ц.

СКАЗКИ, ОБЪЯСНЯЮЩІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ПОДОЛЯНЪ
О ЗАГРОБНОМЪ МІРѢ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Кіевъ, 21 Апрѣля 1860 года.

Ценсоръ *А. Лазовъ.*

1. ІВАН РОЗБІЙНИК. ⁶⁰⁾

Був собі чумақ. Чумакував він чи-рік, чи-два; проглянув Бсжого світу. От поїхав він раз оу дорогу, а жінка його лышылася дома пры надії: тут-тут мала родыты. Ідэ чумақ, алэ зробылася сліота: болото таке, щой куды! А туюк на тее треба іхаты під гору. Бывся він с півдня: воны його ні з місця! Що тут робыты?

⁶⁰⁾ Въ І. Т. »З. о Юж. Р.« г. Кулишь приклеилъ эту сказку къ другимъ, желая удовлетворить своету стремленію быть южнорусскимъ Дантомъ! На нее надо смотрѣть какъ на позднѣйшій вариантъ нашей сказки (стр. 309—311). Герой нашей сказки въ Галиціи называется Мадеемъ, а не Иваномъ. Мученіе, приготовленное для него въ аду, вошло тамъ въ посьловицу:

»Przyjdziesz na Madejowe łoze,
Gdzie są same brzytwe i nozek».

(Zeg. Pauli P. 1. polsk. str. 31—32). Эту сказку многие перелагали въ стихи, напр. Х. І. Hołowin'ski подъ именемъ: »Buława Madeja« (см. Nauka Poezyi H. Cegielski).

Аж о́с являєц'ця кривый, тай кажэ: я тобі поможу, тіл'ко запышы мэні то, що оу тебе є дома, алэ ты іого нэ знаеш. Задумався чумак. Думав, думав, щó бы то таке було. Здавало́с іому, що він обо оусім знає, щó є оудома. Нарешті кажэ: згода!

Награмузляв він кривліою на картылю́сці, що чортаці хотіло́с, и оудух опэнывся з воза́мы и вола́мы на горі, нібы там оуродывся. Поі́хав він, куды го Бог провадыв. Чэ́рэз кіл'ка місяців счаслывэ повэрнувся до дому. Напротів ніого выйшла жінка с хлопчыком на руках, таким гарным, що нэ можна! Догадався чумак за кого

skiego. Wyd. 2. Poznan' 1851 str. 426—29) и г. Осташевскій подь пменемъ *Матей* (см. *Піє Копы казок*. Вил'но 1850 р. л. 48—57.) Жаль, что эти перелазгатели, подобно г Кулишу, сочли нужнымъ переверкаты сказку. Такъ напр. г. Осташевскій не понялъ какъ народъ представляетъ себѣ сына чумака, и сдѣлалъ изъ него разгульнаго малаго. Онъ также по своему, а не по народному, представилъ мученія Ивана (Матей), символизированныя чортомъ:

»На піл з острых ножив чорта положиылы,
Ланцухаы ж жэліза добрэ прыкрэпылы,
Вогон' жарыт під сподом аж ланцух чэрвоный.
Облывають смолою ще на оусі стороны,
З верху сірка кіп'яча капає як дощ«. стр. 55.

він не знав, та оударывся бідолаха по полам руками, а слізы кіт'—кіт' из очэй! Та щож? З бісом справы не выграеш: пышы що пропало!

А хлопэц як на тее росте такой гарный, жвавый, тямущый та мыстэц', що аж ну! Чумак сумуе так, що не можна! Оуже й чумацтво йому не мылэ. Ба оуже хлопэц и выріс: чумак оусе ходыт як сам не свій. Раз прыстав хлопэц до него, и ну выпытуваты: чого він завшэ такой сумный. Довго чумак не хотів прызнаватыся, на рэштi кажэ—таке й таке діло...

— Чому ж вы мэні давно не сказалы цігого? Кажэ сын: я давнобы оуже выграв справу оу чортів. Я зараз же выправляюс оу дорогу.— Бат'ко й маты довго не хтілы пускаты ігого, прэсвадувалы йому, що ш чортамы не так-то лехко справытыся як йому здаец'ця. Нічого не помогло: він настояв на своїм. Піду, тай піду, кажэ.

От бат'ко и маты выправылы ігого оудо-рогу, а самі не плачут ні, алэ аж залываюц'ця сліозамы! А сынові, ані горущкы! Йде собі, та йде. Так можэ, як на половыні дороги, був ліс

здоровецкый: що твій гуманецкый протів него! ⁶¹⁾ Щей розказувалы людэ, що оу тім лісі пануе знакомытый розбійнык Іван, котрый згубыв свого бат'ка й матір, кіл'ка поців оубыв за те, що нэ оумілы іого высповідаты и багато дечого прыточувалы. Задумався трохи вандрівнык: а далі кажэ, що будэ, то будэ, треба йты. И пішов лісом.

Попався він нэборака оу руки Івана. Той почав роспытуваты іого звіткы він и куды йде. Слово по слову, сын чумака й розказав іому, що таке й таке діло, що він йде до пекла.—А колы так, каже розбійнык, то ты там роспытайся, яка мэні кара готовыц'ця. Пам'ятай же не забуд': як будеш вэртатыся, розкажеш мэні и высповідаеш мэне. С цымы словамы пустыв іого.

Йде чумаченко, йде. Кіл'ко він йшов не знаю. На останку підійшов до пекла. Колы чуе, аж там гам, крык, зойк, варвідня.... Війшов він до пекла; чортякы плачут та варвідуют. Він и почав роспытуваты, що то знымы за прыгода сталаея? А воны іому й кажут: «як же

⁶¹⁾ »Гумэн'цік«—село, находящееся въ 12 верстахъ отъ Каменца съ огромнымъ лѣсомъ.

нам на плакаты? Покі світа та сон'ця, ще жадэн...
на пішов до раю, аж вын'ка така прыгода ста-
лася. Та оуже й плач на поможе!»

Роспытався чумаченко до кого йому піты по
свому ділу. Показалы йому найстаршого рогаца.
Прыступыв він до ніго, розказав йому свое діло.
Выслушавшэ, чортяка сказав: »це оуже діло криво-
вого! Кіл'ко разів наказував я йому вести діло
по козацки, а він оусе..... пускаец'ця на хы-
трощі! Почэкай лышев', ос я склычу раду.—
Гей хлопці! закрычав так, що аж пекло затряс-
лос.—Зійшлыся рішкати й шуті, вуці й фостачі
старі й молоді. Сів старшый чорт посэрэдыні,
тай став роспытуваты: »хто від чумака оузяв
роспыску?« Нэма выновайця. »А чи оусі вы тут?«
спытав він. Ні кажут йому: нэ ма йще кривого.
»Я так я думав, що то іго справа.« сказав він.
Тым часом и кривый сусул' оу пекло. Зараз
оузялы іго на допросы. Нэ прызнаец'ця псяюха,
тай годі!

»А ну, хлопці, на тавтуры іго, крыкнув,
старшый. Роспаліт піч, та розігрійтэ пател'ню,
та посадит на нюю кривого.« Оудух оусію поспі-
ло. Кривый скорчывся, а тэрпыт, а ні пыснэ.

»Бачу, іому то нічого нэ шкодыт; він нэ прызнаецця. Воз'міт но іого на Іванову постіл'! сказав найстаршый чортяка. Почувшэ тее крывый мусів прызнатыся, як він звэволив чумака даты запыс. Найстаршый чорт оузяв і, тай роздер. А чумаченко попросыв, щобы іому показалы Іванову постіл'. Вона оуся була на шпігована голкамы и шпыл'камы.

Повэртае назад сын чумака з выграною справою: дужэ нэ хочэ він здыбатыся з Іваном розбійныком; шукае другоі дарогы. Алэ як на тее нэ гадано оустрытыся з Іваном. Той и почав распытуваты іого за свою кару. Розказав іому чумаченко оусію. Тогді іому Іван кажэ: »ну сповідай же тэпер мэне!«

Рад нэ рад, мусів сповідаты и заоудаты іому покуту. Казав він Івановы оузяты яблучіову булаву, которою він людэй розбывав, тай піткынуты оу гору, що є сылы. Піткынув Іван, булава оупала на землю и оустрыгла до половыны. Сын чумака сказав Іванові носыты пыском воду на колівках и підываты тую булаву, покы вона нэ прыймэцця, нэ зац'віте и нэ оуродыт явка.

Заоудавшэ таку покуту, чумаченко пішов до дому и щасливэ добрався до ніого. Оусіо сэлэ було радо, а що бат'ко й матір, то нэ ма що й казаты! Як пішла поголоска, що він высповідав и заоудав покуту Йванові, громада зараз зробыла іого попом оу себэ. Попыв він кіл'канац'пят' літ. Раз поіхав він кудыс оу далеку дорогу. Дорога йшла чэрэз ліс. Оу лісі так запахлы яблука, що батюшка тіл'кы облызувалыся, тай пішлы по лісі, чи нэ знайдут де яблуні. От же знайшлы: під яблунію сьдів лід дужэ старый, та оусе на небо дывывся. А яблуня була дуже расна. Батюшка догадалыс, що то Иван; струсылы яблуню, оусі яблука попадалы, тіл'ко двоі зісталос; це душі бат'ка й матеры. Струсылы йще раз, ище ідно яблуко спало. Потрусылы третій раз, и остатнэ спало. »Ну Бог тобі проты, кажут батюшка, и я тэбе прощаю!« Пры цих словах небо віч'чынылося, и воны обыдва булы оузяті на небо.

(Запысав оу Кам'ян'ці 1847 року.)

Въ одной сказкѣ, извѣстной у подолянъ, изображаются куріозныя похоженія москаля въ пеклѣ; но, *по не зависящимъ отъ насъ обстоятельствамъ*, она не можетъ быть напечатана.

3. СМЕРТЬ ЗА КУМУ ⁶²⁾.

*»Круты нэ вэрты,
Оусіо треба оумерты!«*

Був собі дужэ бідный чоловік: нэ так-то давно він підъопав. Алэ тяжко іому приходилося: він поховав бат'ка, матір, четверо дітэй. И оусіо, що було пішло на похорони та на помынкы.

От родывся оу него сын. Думає собі він: кого-бы тут за кума оузяты.« Треба найты такого, хто правдою жые; біл'шэ нікого нэ воз'му!« Шукав він довго кумів, нэ можэ найты такого, хто бы жыв правдою. Раз вечэрком йшов він звіткіс: дывыцця на роздорожу під фігурою хтос сыдыт. Пітходыт він блішчэ и заходыт оу розмову. Слово по слову, оузнає він що то

⁶²⁾ Варіантъ этой сказки есть у г. Осташевского подъ заглавіемъ »Мартынь знахорья стр. 116—124.

смерт' и просыт і за куму, бо вона жыє правдою, нэоуважае ні на богатство ні на оуроду, ні нащо. Вона нэ така була, знала що від хрэсту відрыкатся нэ можна,—пішла за куму. От и охрэстымы дытыну.

Кума кажэ свому кумові: «я нэ маю що даты тобі, як кума, алэ дам тобі пораду до жытя: буд' доктором, лічы людэй. Як прыйдэш до слабого и зобачыш куму свою оу головах, сіміло бэрыс лічыты; чого нэ даш іому, він від оусіого выздоровіе. Як же зобачыш мэне у хорого оу ногах, тікай дал'шэ, скажы просто, що нэ ма поратунку, він оумре»

С цымы словамы пішла собі смерт'; а кум еі став доктором и пішов оу гору. Ба оуже іого й до панів сталы прыклькаты, ба оуже він и кочом став іздыты, ба оуже й сам став паном. Чэрез кіл'канац'ят' літ він знов здыбав свою куму під вечір на роздорожу. Вона запросыла го до себэ оу гоісти. Вона жыла під зэмліою: здороечка хата оуся була оівічэна сівічкамы. Де-які з ных начыналы горіты, де-які догорувалы й погасалы. Кум став распытуваты—що то за сівічкы. Смерт' кажэ: кажны чоловік, який

тіл'ко є на світі, має тут свою свічку; як він тіл'ко родыцьця, свічка запалюєся, як свічка гасне, він оумэрає.»

А деж моя свічка? пытає кум.

Кума показала му на свічку, котрої було так можэ з на тры цалі. Тогды кум став просыты куму, щобы вона піділ'яла іого свічку.

»Чи пам'ятаеш, шо ты мэне оузяв за куму за то, шо я жыю по правді? запытала іого смерт'. Чи оужеж с тої поры, як ты став паном тобі нэ мыла правда?»

Почухався кум оу голову, тай пішов до дому и став роздумуваты—як-бы смерт' пэрэхытрыты. Росказав він зробыты собі таку постіл', щобы оудух можна було повэрвуты і, куды схочэ. Захурував він и ліг на ту постіл'. Тіл'ко кума станэ оу ногах, він постіл' крут'—и кума оу головах. Тіл'ко смерт' станэ оу ногах, він постіл' верт'—и кума оу головах. А смерт' іому кажэ: *круты нэ вэрты, а такі тре оумерты!*«

4. ЧОЛОВІК ВІД БОГУ.

Пры вэлыкім шляху була коршма. Туды эайшов чоловік від Богу. Там шын'кувалы жыды.

Жыда дэс нэ було дома (поіхав на ярмарок, чищо), лыш жыдівка сыділа на шын'ку.

»А звіткі вы, чоловіче добрый? стала вона роспытуваты чоловіка від Богу.

— Як-то звіткы? Від Богу, кажэ той: або тобі нащо?

— Гырстэ! То вы від самого Бога?

— Тож кажу тобі, що від самого Богу.

— То вы с тамтой світ?

— Який там тобі тамтой світ? Кажу тобі, що я від Богу.

— Ну ну! Най будэ від Богу. Шчо ж там мій татэлэ робыт? Він турік оумер.

Догадався чоловік оу чім діло, що вона зовсім нэ тямыт, що е річка Бог, тай кажэ:

То твій тато—старый Лейба? Ага! знаю, знаю: кланявся тобі.

— То вы бачыв іого, щоб вы здоров булы! шчо ж він там робыт?

— Як-то що? Працюе, а шчо ж біл'шэ? Працюе як той чорный віл: оуже обдерся зовсім, сорочыны люц'коі на нім нэ ма!

— Якаж там праця?

— Дрова возыты до пекла, або рубаты іх; воду возыты: там конэй ні волів нэ ма, оусе

люде відбувають. И твій тато также мусыт відбувати панщину.

— Ей вей мір! Той там е панщину? о бідный татэлэ!

— А ты думала, що там нэма панщыны? Паны й там панамы: ⁶³⁾ воны собі сыдят оу котлах зо смолою, а мы підкладаем дрова під котлы, распалюем мшаем оу котлах смолу, чтобы панам добрэ було оу ній, чтобы воны добрэ оукіпілы!

— А чи нэ можна чэрэз вас пэрэдаты що татові?

— Чому й ні? Він просыв, чтобы іому полотно на сорочки пэрэдаты.

— Добрэ, добрэ! Я зараз дам. Грошэй также іому пэрэдам.

Надавала жывідвка оусіого для свого татэлэ, и выправыла чоловіка. Аж ос надыжджае и

⁶⁵⁾ Изъ этого также можно видѣть, что представленія о загробномъ мірѣ слагаются изъ общественнаго быта. У литовскаго племени были такія же представленія, какъ у подолянъ: »Prutheni resurrectionem carnis credebant, non tamen ut debebant, Credebant enim si quis nobilis vel ignobilis, dives vel pauper, potens vel impotens esset in hac vita, ita post resurrectionem in vita futura Dusburg Part. III. c. 5. Также Golomb, ч. 2. стр. 254.

чоловік Іос. Чоловік від Богу здыбав іого и догадвся, що за ным будэ погоня. Іому треба було йты чэрэз ліс. Він сховав оу гушавыні оусію, що надавала му жыдівка, а сам став під крызою яблункою пры дорозі.

Жыдівка розказала Іосіові оусію. А жыд, выслухавшэ, кажэ: ай вей! Отто дурна Сура! Поіду я, та відбэру від того чоловіка оусію.

Ідэ Іос, аж стоіт чоловік під яблункою. Іос и давай распытуваты іого: чя нэ йшов тут чоловік?

— О пішов, кажэ, давно: оуже до сеі поры дэс далеко він.

— А ты іого пізнаеш? пытае жыд.

— А чому ж ні?

— Як бы ты мэні догнав іого, я бы тобі заплаatyw.

— Чи ж ты нэ бачыш, що я панщыну відбуваю: оц'ця яблуня скоро оупадэ; бач як вона похылылася; мэні за панщыну сказалы пітэраты іі.

— Ну-ну! я відіпру іі, а ты сідай на коня та ід' доганяты того чоловіка.

— Алэ гляды, щобы яблунка мэні нэ оупала, трэмай і добрэ.

Пітпер жыдыско яблун'ку. А чоловік від Богу сів на коня, забрав оусію, що йому надавала жыдівка, тай поїхав.

Чэкав жыд, чэкав. Ба оуже й вечэр, а чоловіка нэма. И від яблун'кы боіц'ця відступыты, щобы нэ оупала. А далі зібрався з духом, начав і рушаты пал'цем, алэ вона собі стоіт. Далі він и відважывся відскочыты трошкы від яблун'кы, вона нэ падае. Після й зовсім відступывся вона такы стоіт. Тоді оуже жыд догадався оу чім діло, тай пішов до дому, алэ нэ хтів сказаты жыдівці оусію прэвду. Вона почала роспытуваты: де кін', а він кажэ: я догнав чоловіка, він як розказав мэні, що татэлэ воду возыт, то я дав коня; щобы було на тамтім світі чым воду возыты.

(Запысав оу Камъян'пі 1847 р.)

Дополненія къ гайкамъ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ Индии весенній праздникъ называется *Holi* или *Huli*. Во время этого праздника преимущественно об-

ливаются водою ⁶⁴⁾. Подобный обрядъ извѣстенъ у всѣхъ славянъ. Подоляне обливаются водою преимущественно на 2-й день Свѣтлаго праздника и на проводы. У поляковъ этотъ обрядъ извѣстенъ подъ именемъ *Smigusa*.

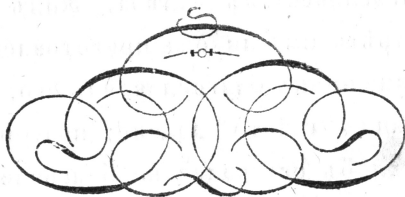
Недавно мы получили отъ благочиннаго священника Проскуровскаго уѣзда М. А. Орловскаго, кромѣ многихъ вѣсенъ и колядъ, слѣдующее народное преданіе, относящееся къ гаивкѣ »Зельманъ:« »Во время униі церкви, не принявшія ея были отдаваемы жидамъ въ аренду; жида имѣли право печь просфоры и пасхальные хлѣбы. На испеченномъ хлѣбѣ жидъ ставилъ уголь или мѣломъ свой знакъ. На свѣтлый праздникъ, предъ благословеніемъ хлѣба, жидъ долженъ былъ осмотрѣть имѣли онъ приготовленъ, и тогда уже священникъ благословлялъ его. Но жидъ Зельманъ жилъ гдѣ-то далеко; поэтому въ одномъ селѣ хлѣбъ оставался не благословеннымъ до его приѣзда. Было уже поздно, а жида нѣтъ, какъ нѣтъ! Наконецъ прихожане увидѣли, что Зельманъ ѣдетъ, и отъ радости начали плясать

⁶⁴⁾ Dubois de Jancigni et Xavier Raymond: Inde. Paris 1845 p. 247.

около церкви, прикрикивая *»Зел'ман ідэ! Зел'ман ідэ!«*

Дѣйствительно, эта гаввка могла имѣть такое начало. Искренно благодаримъ г. Орловскаго за сообщеніе этого преданія, могущаго сколько-нибудь уяснить происхожденіе этой гаввки.

При описаніи гаввки Жельманъ мы замѣтили, что панну Жельманъ покрываютъ платкомъ ⁶⁵⁾; но при этомъ забыли сказать, что обычай покрывать лицо выходящей за мужъ до сихъ поръ сохранился у евреевъ. Обычай этотъ былъ извѣстенъ также и въ древней Руси ⁶⁶⁾. Остатки его и теперь еще кой-гдѣ сохранились.

⁶⁵⁾ вып. I. стр. 34—37.

⁶⁶⁾ Архивъ г. Калачова 1859 кн. IV Олеарій стр. 59.